

Предисловие

С удовольствием представляю читателям очередной труд Юрия Юрьевича Комлева «Теории девиантного поведения: учебное пособие». Есть ряд обстоятельств, свидетельствующих о чрезвычайной актуальности этой работы.

Во-первых, различные виды девиантного поведения (девиантности) все больше распространяются по белу свету, включая Российскую Федерацию. Начинает сбываться предсказание П.Хиггинса и Р.Батлера: «Феномен девиации – интегральное будущее общества»...

Во-вторых, в мире, и особенно в России, научная общественность явно запаздывает с фундаментальным изучением девиантности как сложного социального явления, его истоков, трансформации, адекватных мер социального контроля. Опрометчивый *некролог* социологии девиантности, провозглашенный К.Самнером в 1994 году (Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary), оказался явно неуместным, но, возможно, затормозил развитие социологии девиантности и социального контроля (девиантологии).

В-третьих, если для естественных наук их история является красивым (но вовсе не обязательным) приложением к современным теориям, то для общественных наук, включая девиантологию, *история* развития науки есть неотъемлемый элемент самой науки, ее *теории*. Кто рискнет сегодня сказать, что «устарели» те или иные идеи Э.Дюркгейма, Р.Мертона, К.Маркса, П.Сорокина? Сегодняшние социологические (девиантологические) теории есть – в значительной степени – переосмысленные концепции предшественников. Воистину мы стоим на плечах великих предшественников.

Между тем, в-четвертых, в отечественной литературе явно недостаточно исследована и изложена история девиантологической мысли. Особенно это относится к *современным* теориям. И предлагаемый труд Ю.Ю. Комлева успешно восполняет этот пробел.

Автором предпринят гигантский труд по изучению, классификации и описанию многочисленных антропологических, психологических, социологических теорий девиантного поведения от классических теорий XVIII века до самых современных постмодернистских. Изложению теорий предшествует формулировка критериев научной теории (с.16-21). Обосновывается оригинальная

авторская классификация теорий. Многие теории представлены впервые на русском языке. Все излагаемые концепции построены по единой схеме: период создания, авторы, основные понятия, содержание, критика теории. Это способствует как восприятию, так и усвоению теорий учащимися.

Работа написана доступным языком, текст сопровождается схемами, способствующими усвоению излагаемого, а также фотографиями большинства представляемых авторов.

Написанная как учебное пособие, крайне необходимое для студентов и аспирантов, работа носит монографический характер и может быть использована всеми, кто интересуется проблемами девиантности и девиантного поведения или их исследует.

В целом перед нами капитальный труд, вносящий весомый вклад в развитие российской девиантологии.

Гилинский Яков Ильич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета РГПУ им. А.И.Герцена, декан юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, член Академии гуманитарных наук, Нью-Йоркской академии наук, Международной социологической ассоциации, Европейского союза криминологов, редакционного совета международного журнала «Police Practice and Research»

Введение

Учебное пособие «Теории девиантного поведения» не претендует на детальный и всесторонний анализ девиантологической мысли, оформленной в теоретических конструкциях. Скорее, это обширный обзор девиантологических идей и теорий в той исторической последовательности, в которой они были предъявлены научному сообществу в неповторимом дисциплинарном, междисциплинарном и полипарадигмальном многообразии.

Разумеется, российская девиантология во многом «переварила по частям» и освоила теоретический опыт, накопленный мировой наукой. Этому способствовали фундаментальные работы Я.И.Гилинского, А.Л.Салагаева, Т.В.Шипуновой, С.М.Иншакова, В.С.Овчинского, Е.В.Змановской, А.И.Долговой, С.В.Егорышева, А.И.Кравченко, И.Г.Ясавеева, А.Л.Сморгуновой, Т.А.Хагурова, Ю.Ю.Комлева и других отечественных авторов. Тем не менее, девиантология – все еще очень молодая отрасль социологии, которая хоть и не засорена догмами «единственно верного учения», но в силу ряда объективных причин остро нуждается в новых работах.

Предлагаемое учебное пособие посвящено критическому осмыслению антропо-биологических, психологических теорий, а также социологических перспектив исследования девиантности (позитивистской, интеракционистской, конфликтологической, постмодернистской), созданных зарубежными учеными.

В ряду девиантологических концепций и подходов происходит постоянное «теоретическое соревнование». Это порождает синтез новых концепций, более релевантных состоянию девиантизации современного общества, чем традиционные позитивистские теории. Так, применительно к транзитивному российскому социуму представляется весьма актуальной постмодернистская перспектива

анализа девиантности и преступности, а также новые модернистские и постмодернистские интегративные теории, детальный анализ которых автор не встречал в российских источниках.

В последние годы вышли в свет переводные работы «Криминология» под редакцией Дж.Келли, «Психология криминального поведения» Р.Блэкборна и ряд других. Однако большой пласт оригинальных теоретических исследований девиантности и преступности в англоязычном исполнении все еще остается неизвестным российскому читателю и не скоро появится в библиотеках и электронных ресурсах Интернета.

Обращение к вопросам теории девиантного поведения – это не только научный интерес автора, но и желание познакомить профессиональную аудиторию с трудами активно работающих в науке британских и североамериканских девиантологов и криминологов модернистской ориентации Дэвида Доунса, Пола Рока, Рональда Айкерса, Джона Конклина, Фрэнка Шмаллегера и постмодернистов Драгана Миловановича и Грэга Барака, а также некоторых других авторов.

Эта книга – одна из попыток восполнить растущий пробел в обеспечении учебного процесса структурированным и критически осмысленным теоретическим знанием в вузовской подготовке юристов и социологов в области девиантологии.

Теории девиантности все чаще используются в научных исследованиях и практических программах превенции преступности и других форм социального неблагополучия. Однако многие специалисты имеют весьма фрагментарное представление о теоретическом наследии зарубежных ученых. И если в научных публикациях обычно используются позитивистские монотеории, созданные в рамках антропоцентрического, а также социоцентрического (социоструктурного, конфликтологического)

подходов, то работ, выполненных с позиций феноменологического, конструктивистского, постмодернистского, интегративного подходов либо очень мало, либо нет вовсе.

Между тем социологические теории девиантности как традиционные модернистские, так и постмодернистские, а также концепции и подходы, созданные в рамках современной антропобиологии и психологии, существенно обогащают исследовательский арсенал, дополняя друг друга.

Работе над книгой способствовало не только знакомство автора с оригинальными американскими и британскими источниками, но и участие в 4 ежегодных конгрессах Европейского общества криминологов (European Society of Criminology) в Хельсинки (2003), Амстердаме (2004), Кракове (2005), Тюбингене (2006), в девиантологических семинарах и конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Уфе, Краснодаре, Красноярске.

Девиантологические исследования в определенной мере – визитная карточка **Казанского юридического института МВД России**, курсанты, слушатели и адъюнкты которого, проявляя интерес к науке, под руководством автора были лучшими помощниками в переводах иностранной литературы и эмпирических исследованиях.

* * *

Пользуясь случаем, считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность коллегам по кафедре философии, политологии, социологии и психологии, которые участвовали в обсуждении отдельных тем книги, на круглых столах и конференциях. Среди них особой признательности заслуживает доцент, кандидат педагогических наук **Суфия Загитовна Еникеева**, которая бесценно на протяжении многих лет придает всем без исключения

девиантологическим работам автора оригинальное художественное и техническое оформление.

Весьма признателен за труд по изучению книги и ее высокую оценку рецензентам:

Якову Ильичу Гилинскому, доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой уголовного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена;

Александру Леонидовичу Салагаеву, доктору социологических наук, профессору, заведующему кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета.

Глава 1. Введение в теории девиантного поведения

§ 1.1. Понятие и типы теорий девиантного поведения

Для многих людей, в том числе и студентов, термин «теория» нередко звучит как абстрактная идея, имеющая весьма слабое и опосредованное отношение к реальной практике. Очевидно, что не всем, «грызущим гранит науки», с легкостью поддаются теории и абстрактное мышление в целом. Большинство людей в повседневной жизни, действительно, имеют дело с фактами. Факты – «упрямая вещь», они реальны и более понятны, чем любая теоретическая конструкция, которая, как некоторые считают, нужна лишь для «умственной гимнастики».

Социальных теорий много, и они, по мнению скептиков, лишь гипотетически и отчасти определяют ту или иную модель реального поведения человека. Это, увы, распространенное, но весьма превратное представление о теориях в целом и теориях девиантного поведения в частности как о трудно применимых и малопонятных «башнях из слоновой кости».

Между тем, правоведам, социологам, сотрудникам правоохранительных органов, педагогам, социальным работникам, родителям приходится иметь дело с негативными девиантными проявлениями и реагировать на нарушения наиболее важных социальных норм. Сложная природа поведенческих отклонений и социального контроля над ними,отрефлексируемая в разных парадигмальных рамках, для многих людей остаются «terra incognita».

Ответ на вопрос о том, почему одни люди (их большинство) приспособляются, а другие (их меньшинство) отклоняются от социальных норм, имеет не только умозрительный, но и в большей мере практический смысл. Он является неотъемлемой частью любого

проекта по осуществлению социализации и социального контроля. Отсюда создание теорий, позволяющих лучше моделировать девиантность, способствует оптимизации механизмов и практик социального контроля над ее проявлениями.

Профессор Я.И.Гилинский дает следующее определение социальных девиаций, девиантности: «это социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям».¹ Девиантное поведение, создающее социальный феномен девиантности, состоит в систематическом отклонении индивида или группы от социальных норм и ожиданий в данном обществе «здесь и сейчас».

С одной стороны, девиантность выражается в реальных поведенческих актах, в деятельности (объективный поведенческий феномен), с другой – это социальная конструкция, продукт процесса символического определения отклоняющегося поведения субъектами социального действия. Девиантность – релятивная, конвенциональная социальная конструкция, поскольку определяется через социальную норму. Нормы – результат определенной традиции, культуры, они относительны и изменчивы во времени и пространстве, в силу того, что создаются людьми.

Девиантное поведение неоднозначно: по своим социальным или индивидуальным последствиям оно может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Девиантность определяет механизм социальных изменений. Позитивные девианты – великие творцы и

¹Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С.28.

гении, опередив свое время, способствовали прогрессу. Однако многие из них, в лучшем случае, были преданы забвению, в худшем – сожжены на кострах инквизиции как еретики, то есть девианты согласно кодексам своего времени. Негативные девианты – это те люди, которые своим отклоняющимся поведением разрушают собственное физическое или нравственное здоровье, создают угрозы и проблемы другим.

Ученые больше внимания уделяют изучению негативной девиантности, поскольку рост ее масштабов и дифференциация в форме *преступности, алкоголизма, наркотизма, проституции, суицидального поведения, кибер- и гэнг- стокерства, гемблинга, фрикинга* и др. – сложная социальная проблема в современном обществе. В конце второй половины XX века, о чем пишет Н.Кристи, криминологи осознают наступление «*кризиса наказания*», который выражается в неспособности привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления¹.

Рост различных проявлений девиантности, снижение эффективности социального контроля в рамках доминирующей модели «закон и порядок» в условиях ускорения социальных изменений и перехода общества к эпохе постмодерна, «ульрасовременного капитализма» остро ставит вопрос о теоретическом осмыслении этих процессов, объяснении девиантности. В научной среде активно обсуждается поиск путей перехода от «войны» к «миру», сосуществованию с преступностью. Постмодернисты заявляют, что «феномен девиации – интегральное

¹Кристи Н. Пределы наказания. М.,1985.

будущее общества»¹, «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля».²

В девиантологии, особенно в наиболее развитой ее части – социологии преступности или криминологии – накоплен громадный теоретический опыт по моделированию девиантности. Созданные теоретические модели являются отображением существующих девиантных практик. Эффективная теория помогает «расшифровать» казуальную сторону многих «трудных» для понимания девиантных, делинквентных фактов и карьер. Кроме того, теория создает предпосылки для понимания и объяснения природы новых, еще неизвестных примеров преступного поведения и иных отклонений. Теории дают ответы на самые общие вопросы о природе девиантного поведения. Главные среди них: Почему? Каким образом? Чем вызвано или как действует?

Существует много интерпретаций понятия «теория». Одно весьма убедительное определение было выдвинуто известным современным американским криминологом Доном Готтфредсоном. Он считает, что «теории состоят из серии взаимосвязанных суждений, которые позволяют: описать, объяснить, предсказать события из определенного класса и, в конечном счете, управлять ими».³

Следовательно, девиантологическая теория – это набор упорядоченных и взаимосвязанных утверждений, которые позволяют описать ряд событий из класса девиантности, объяснить и предсказать их наступление, вызванное факторами детерминации.

Девиантолог Кеннет Р.Ховер выделяет четыре основных способа использования теории в социальных науках:

¹Higgins P, Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982. P.2.

²Luhman N. Beobachtungen der Moderne. Opladen. Westdeutscher Verlag. 1992.

³Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey. 1999. P.110.

- обеспечение образцами (patterns) для интерпретации эмпирических данных;
- связь одного исследования с другим;
- создание методологической рамки (frameworks), в пределах которой понятия и переменные приобретают специальное значение;
- качественная интерпретация полученных научных результатов».¹

Очевидно, что для тех, кто планирует построить профессиональную карьеру в области права, правоприменения, в области социальной работы, социологии, психологии, педагогики, необходимо иметь глубокое знание теоретических основ классической и современной девиантологии.

Фактически любая линия поведения, ведущая к преступлению как самому социально опасному виду девиантности, может быть описана той или иной теорией девиантного поведения. Теоретическое знание в вопросах понимания и объяснения преступности и других негативных отклонений актуально не только для профессионалов, но и для всех тех, кто участвует в механизмах социализации, гуманитарного воспитания молодого поколения в рамках институтов образования, культуры, масс-медиа. Впрочем, и все семейные люди, ответственные за воспитание своего потомства, хотят, чтобы детям благоволила судьба, чтобы им удалось избежать роковых ошибок молодости, «тюрьмы или сумы».

Таким образом, теории девиантного поведения – сфера интересов не только специалистов, но и самых обычных людей, которым не чужды плоды просвещения, а будущее своих детей видится им в ракурсе конформизма или еще лучше – позитивной девиантности.

¹Schmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey.1999. P.111.

Американский социолог и криминолог Эдвин Сатерленд в 1947 году определил криминологию как учение о внутренних процессах законодательства, правонарушения и правоприменения.¹ Это определение задает одну из точек отсчета для классической типологизации криминологических теорий. Так, если в качестве основания для выделения теории рассматривается, согласно Сатерленду, сфера формального социального контроля над преступностью, то в такую группу с определенной условностью относят *теории создания и применения уголовного права*. Эти теории предлагают ответы на вопросы о том, как и почему конструируется преступное поведение, а его носители определяются как преступники, какими правовыми способами государство противодействует преступности, что определяет вид предпринимаемых действий (меру наказания) в случае нарушения закона.

Если в качестве объекта рассматривается поведение, состоящее в нарушении социальных или правовых норм, то, согласно Сатерленду, такой тип модели относится к *теориям девиантного или криминального поведения*. С точки зрения замысла этой книги, именно эта самая многочисленная группа теорий представляет наибольший интерес.

Теории девиантности предлагают ответы на вопрос, почему люди нарушают социальные и правовые нормы? Впрочем, у этого вопроса есть две взаимосвязанные между собой стороны.

Во-первых, теории позволяют понять, отчего существуют определенные различия в уровнях девиантного и преступного поведения в разных социальных группах и общностях. С точки зрения гендерных различий, мужчины значительно чаще, чем

¹Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.2.

женщины становятся участниками криминальных актов. В полиэтнических и поликультурных обществах уровень преступности заметно выше, чем в обществах этнически однородных и с доминирующей культурой. Так, в Японии уровень преступности существенно ниже в удельных показателях, чем в США и наиболее развитых европейских странах.

Во-вторых, теории девиантности дают ответ на вопрос о том, почему одни люди идут на совершение девиантных действий и преступлений, а другие – нет? Что определяет предрасположенность человека к нарушению норм–ожиданий и норм–правил? Почему одни люди, имея возможность, совершают преступления, а другие, с такими же возможностями, не преступают закон? Почему одни личности склонны выстраивать криминальную карьеру, а другие, один раз оступившись, навсегда отказываются от криминальной перспективы?

Как видим, первая группа вопросов концентрируется на выявлении социальных и групповых моделей девиантности, а вторая – на индивидуальных различиях и особенностях личности девианта. Если теория девиантности охватывает более общие типичные различия и общесоциальные детерминанты девиантности и делинквентности, то она относится к так называемым макро теориям девиантного поведения. Если положения теории описывают причинный комплекс делинквентности и иных форм негативных отклонений на уровне личности или малой группы, то она относится к теориям девиантности микро уровня.

Для различения теорий девиантного поведения используются разнообразные основания. Дональд Кресси обратил внимание на критерии массовости распространения девиантности и преступности во всех слоях общества, а также уникальности индивидуального проявления девиантного поведения. Рональд Айкерс разделял теории

18

девиантности на структурные и процессуальные. Структурные теории показывают, что соотношение преступлений среди групп, общностей и классов определяется изменениями в социально-культурной структуре общества. Процессуальные теории утверждают, что люди совершают преступления, потому что они имеют определенный прошлый опыт делинквентности, пережили определенные события и приобрели специфические личные качества и реакции на те или иные криминальные ситуации.

Типологизация может опираться на парадигмальное основание. Так, социологические теории девиантности можно отнести к органико-структурно-функционалистским, конфликтно-радикальным, социально-бихевиористско-психологическим. Теории можно различать по временному критерию: ранние, поздние. В классификациях в качестве основания иногда используют методологический подход (метафизический, позитивистский, непозитивистский).

Теории девиантности различают на индивидоцентрические и социоцентрические. Грэг Барак анализирует модернистские и постмодернистские теории девиантности.

В ряде зарубежных социологических работ широко используется выделение различных теоретических перспектив анализа девиантности и преступности. Среди них: позитивистская, социоструктурная, интеракционистская, конфликтологическая, радикально-критическая, модернистская, постмодернистская, интегративная.

Весьма распространенной в современной девиантологии стала типологизация теорий девиантности, которая позволяет использовать все перечисленные выше критерии в рамках междисциплинарного подхода. Так, практически во всех зарубежных и некоторых отечественных источниках встречается типология, построенная на

выделении антропо–биологических, психологических и собственно социологических теорий.

В *антропо–биологических теориях* объяснительные модели девиантного поведения выстраиваются в рамках доминирования антропологических, биологических, биохимических и генетических факторов.

В *психологических теориях* детерминация девиантности описывается психологическими переменными, связанными с психологическими травмами, нейропсихологическими дисфункциями, комплексами неполноценности, стадиями психосексуального развития личности, фрустрацией, агрессивными побуждениями или эффектами социального научения. Причем современные теории, созданные в рамках антропоцентризма, не исключают вторичного влияния социокультурных и иных структурных факторов на генезис девиантного поведения.

Социологические теории девиантности исходят, с одной стороны, из социоцентризма, рассматривая природу девиантности и преступности с учетом анализа социоструктурного, культурного, функционального, конфликтологического контекстов. С другой стороны, девиантность изучается с индивидоцентрических позиций в рамках символического интеракционизма, феноменологии, конструктивизма. Ее природа оценивается, как результат процесса социальной интеракции, коммуникации как социальная конструкция.

Если в рамках антропоцентризма доминирует биологический позитивизм, то в рамках социоцентризма социологический позитивизм конкурирует с феноменологией и постмодернизмом.

Разделение теоретического наследия в мировой девиантологии на антропо–биологические, психологические и социологические теории достаточно условно, поскольку многие категории в девиантологическом анализе коррелируют и дополняют друг друга.

Например, понятия структуры и процесса взаимосвязаны и частично совпадают, между биологией и психологией в природе девиантного поведения человека также немало общего. Социальный контроль трудно отделить от девиантности – это дополняющие друг друга категории, поскольку его чрезмерное применение посредством негативных санкций нередко порождает стигматизацию девианта и, как следствие, рецидивизм и девиантную карьеру. Биологические корреляты рассматриваются с учетом социальных и психологических переменных.

§ 1.2. Основные критерии оценки теории

Девиантологические теории предлагают в рамках позитивизма то или иное понимание природы девиантности и ее этиологию. Многообразие подходов и теоретических конструкций провоцирует научные дискуссии. Положения некоторых из них подвергаются критике, поскольку носят достаточно противоречивый и не вполне обоснованный характер. Ряд теорий критикуют за субъективизм, идеологизацию в оценке факторов девиантности или низкую практическую ценность подхода.

Разумеется, важно, чтобы теория была ценностно нейтральной. Вместе с тем ряд из них несет существенную идеологическую нагрузку. Так, в неомарксистских теориях конфликта, радикальной криминологии этот контекст очевиден, поскольку он обусловлен идеологической критикой капитализма.

В оценке теории следует избегать ориентации на авторитетное, субъективное мнение, идеологические или личные пристрастия. При этом возникает закономерный вопрос: «Как оценить, как выяснить, какая теория наиболее адекватно моделирует природу девиантного поведения и его детерминанты?».

Девиантологическая, как, впрочем, и любая другая, теория, должна оцениваться только по научным критериям. Ключевым из них, следуя позитивистской логике, является критерий *эмпирической обоснованности*. Он позволяет оценить теорию (подтвердить или опровергнуть ее) тщательно собранными фактами из опыта, практики. Кроме того, теория должна соответствовать критериям *логической последовательности и непротиворечивости, доказуемости, области применения, практической пользы*.

Критерий эмпирической обоснованности. Это наиболее важный оценочный критерий теории. Он означает, что теория верна, если ее положения подтверждаются на практике. Впрочем, абсолютно верных теорий в социальных науках нет и быть не может, поскольку знание – категория релятивная. Поэтому ключевым является ответ на вопрос о том, в какой степени теория эмпирически обоснована, обеспечивают ли собранные эмпирические факты ее слабую или сильную поддержку, как сопоставляется эмпирическая обоснованность данной теории и других теорий девиантности.

В качестве примера рассмотрим обоснованность *теории устрашения*, на которую ориентируются многие практики в сфере отечественного правоприменения (классический подход). В соответствии с постулатами этой теории преступники не должны совершать рецидив после освобождения из мест лишения свободы, если они были подвержены суровой уголовной репрессии. Однако рецидивная преступность в России, по оценкам Я.И.Гилинского, в постсоветский период составляет 20-28%.¹ По данным МВД России, при общем снижении объема преступности количество рецидивных преступлений в 2010 году возросло на 40%. В итоге каждое третье

¹Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С.435.

преступление совершено лицами, имеющими судимость.¹ Тюремное заключение корректирует поведение лишь некоторой части делинквентов. Следовательно, теория устрашения недостаточно обоснована опытом.

Эмпирическая обоснованность не означает, что теория должна однозначно определять переменные, которые всегда вызывают совершение криминального действия. Как известно, традиционное линейное понимание причинности предполагает, что фактор X должен производить эффект Y. Иначе говоря, фактор X должен быть и «необходимым», и «достаточным» условием одновременно, чтобы вызвать поведение Y. Однако ни одна теория девиантного поведения не может гарантировать набор объяснительных переменных, которые выступают одновременно и необходимыми, и достаточными условиями детерминации девиантности.

Для оценки эмпирической обоснованности девиантологических теорий современные исследователи исходят из вероятностного нелинейного понимания причинности, в соответствии с которым присутствие фактора X делает наступление криминального события Y более вероятным. Иными словами, вариации в преступном поведении определенным образом соотносятся с вариациями в объяснительных переменных, определенных теорией. Комплекс переменных теоретической модели лишь с некоторой (большей или меньшей) вероятностью предопределяет девиантность как результирующую функцию. Причем, чем сильнее взаимосвязь исходных переменных и девиантного поведения, тем больше эмпирическая обоснованность теории.

Интерпретируя взаимосвязь между исходными переменными и функцией как причинную в вероятностном значении, необходимо

¹ Петров И. В России резко выросло количество рецидивных преступлений// RBCDAILY от 30.03.2011 url: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708>

оценить ее направленность, поскольку при наличии обратных связей независимые и зависимые переменные могут меняться местами. Например, теория может постулировать, что трудный подросток вовлечен в делинквентное поведение в результате связей и дружбы с представителями местной молодежной преступной группы. Ассоциация между преступным поведением одного человека и делинквентностью группы его друзей может служить доказательством в поддержку теории. Однако может существовать и обратная связь. Индивид сам встает на путь преступлений и затем ищет себе молодых союзников по преступному ремеслу. Следовательно, результирующая делинквентность подростка может быть одновременно и зависимой, и независимой переменной, как результат его предыдущего преступного опыта.

Таким образом, вероятностное понимание причинности в девиантологии позволяет считать, что различные факторы (генетические, психологические, структурные, социокультурные) лишь влияют и ограничивают действия девианта. При этом они оставляют ему место для индивидуального выбора преступного или иного отклоняющегося поведения, который в итоге не может быть однозначно предсказан.

Логическая последовательность и непротиворечивость. Одной из важнейших характеристик научной теории является безусловное соответствие ее положений универсальным требованиям логики: четко определенные понятия, логически выстроенные суждения, непротиворечивые и последовательные положения и выводы. Так, например, если теория утверждает, что преступники биологически неполноценны и это объясняет их отклоняющееся поведение, то она не может опираться на утверждение, что социализация личности в семье является основой делинквентности.

Доказуемость. Научная теория должна быть доказана объективными и стабильными фактами, свидетельствами. Если теория не может быть проверена эмпирическим путем, то она не имеет научной ценности. Доказуемость теории – это степень, по которой она может быть подтверждена или опровергнута соответствующими эмпирическими данными. Она должна быть открыта для эмпирической проверки, для анализа свидетельств, которые подтверждают или опровергают ее гипотезы.

Впрочем, теория девиантности может быть и недоказуема, если ее положения содержат тавтологию. Утверждение тавтологично, если является истинным по определению или создает замкнутый круг рассуждений. Например, тавтологией является следующее суждение. Автор теории определяет слабое самообладание как неспособность воздержаться от преступления, а затем выдвигает гипотезу, в соответствии с которой слабое самообладание есть причина нарушения закона.

Теория может быть недоказуема, если суждения настолько несовершенны, что любое спорное эмпирическое свидетельство может быть интерпретировано или переинтерпретировано за или против теории. Теория также может быть недоказуема, если ее понятия не имеют отношения к измеряемым на практике фактам и событиям. Даже нетавтологичная теория не может быть доказана, если невозможно найти фактологию, которая объективно соответствовала бы используемым в ней понятиям. Например, гипотеза утверждает, что люди совершают преступления, потому, что они подвержены влиянию козней неких незримых злых духов. При этом нет фактов, способных подтвердить, есть ли эти злые силы на самом деле в природе или нет, ответственны они за преступление или нет. В этом случае теорию доказать невозможно.

Область применения. Теория девиантности может иметь весьма ограниченную или достаточно широкую сферу применения. Например, теория, описывающая феноменологию высокотехнологичных преступлений хакеров и фрикеров, достаточно хорошо обоснована, но ограничена сферой HIGH-TECH преступности. При этом в области преступности «синих воротничков» она может быть совершенно непригодной. Лучшей считается та теория, которая моделирует наиболее широкий набор деликтов. Если объяснительная модель описывает большое число преступлений с помощью нескольких кратких, но емких положений, то она является более предпочтительной, чем та, которая выдвигает много концептов и суждений, но они «работают» лишь относительно небольшого числа деликтов.

Практическая польза. Ценность девиантологической теории может быть оценена ее пользой в совершенствовании и обеспечении социального контроля над девиантным поведением. Чем качественнее теория объясняет природу негативной девиантности, тем лучше на ее основе можно разработать меры и пути разрешения этой сложной социальной проблемы. Любая программа ограничения преступности, противодействия наркотизму и трафику наркотиков, а также организации полицейских сил основана как эксплицитно, так и имплицитно на объяснении девиантного и, в частности, делинквентного поведения.

Все известные теории девиантности выдвигают положения, которые используются в практике правоприменения и социального контроля. Рекомендации законодателям для внесения изменений в УК, другие законодательные акты должны быть основаны на эффективной девиантологической теории. В таком случае уголовная политика и практика правоприменения будут иметь добротное

научное обоснование. В этом и состоит истинная ценность и практическая польза теорий девиантного поведения.

§1.3. Метафизический подход в объяснении девиантности и преступности. Классическая школа

Появление первых девиантологических идей просматривается в древних китайских и индийских правовых трактатах, в законах царя Хаммураби, в законах XII таблиц раннего римского права, в англосаксонском Common law, в Салической правде франков, в славянской Русской Правде, в хартии английских вольностей Magna carta и других историко-правовых документах древности.

Эпоха Просвещения (XV-XVIII века) раскрепостила философскую и политическую мысль Европы. Просветители-гуманисты развили философию рационализма и утилитаризма, идеи свободного выбора, концепции общественного договора и естественных прав. Интеллектуальный прорыв Просвещения ускорил процесс социальных изменений, приводя, в конечном счете, к революционным переменам в Старом и Новом Свете.

Интеллектуалы эпохи Просвещения, опираясь на рационализм и идею свободного выбора, выполнили переоценку существующих доктрин человеческого поведения, проложили путь к пересмотру вечной темы «преступления и наказания».

Как известно, еще в «Утопии» Томаса Мора (1478-1535) были высказаны конкретные соображения о причинах преступности и целесообразности наказаний. Проблематика социальных отклонений, порядка и стабильности в пессимистической перспективе раскрыта в «Левиафане» Томасом Гоббсом (1588-1679). Вопросы девиаций и контроля были подняты в философских построениях, обосновывающих модель демократического государства, Джоном Локком (1632-1704). Эта тема в контексте сравнительной истории

права нашла отражение в трактате «О духе законов» Шарля Монтескье (1689-1755), в концепции естественного права Жан-Жака Руссо (1712-1778). Идеи юснатурализма и естественных прав были закреплены в работах англо-американского политического активиста и теоретика Томаса Пэйна (1737-1809).

Философы и правоведы эпохи Просвещения подвергли сомнению и критике религиозные модели объяснения человеческого поведения и девиантности. В религиозной интерпретации, как известно, преступность считалась порождением человеческой порочности, греховности. Если индивид совершал преступление, ему полагались жестокая кара на земле и ад в загробной жизни.

Под влиянием идей Просвещения в рамках спекулятивно-метафизического, умозрительного подхода, доминировавшего в философии и юриспруденции той поры, преступление все чаще рассматривается как индивидуализированная форма зла, продиктованная рациональным, свободным выбором индивида. В итоге в криминологии и науке уголовного права сформировалась классическая школа (Ч.Беккариа, И.Бентам, Д.Говард, П.Фейербах и др.), основные этапы, развития которой отражены на рис. 1.

Классическая школа в криминологии и уголовном праве

Период: 1700-е – 1880

Теоретики: Ч.Беккариа, Дж.Бентам, Д.Говард, П.Фейербах и др.

Понятия: рационализм, утилитаризм, свободный выбор, сдерживание через наказание, общественный договор, естественные права, превенция

***Неоклассическая школа в криминологии и уголовном праве,
тип 1: закон и порядок***

Период: 1970-е – настоящее время

Теоретики: Дж.Катц и другие.

Понятия: определенное сдерживание, общее сдерживание

**Неоклассическая школа в криминологии и уголовном праве,
тип 2: защита личных прав**

Период: 1960-е – настоящее время

Понятия: естественные права, конституционные права, судебный процесс

Рис. 1. Классическая школа

Основателем классической школы по праву считается итальянец **Чезаре Беккариа (1738-1794)**. В 1764 году Беккариа опубликовал свою фундаментальную работу «О преступлениях и наказаниях». Он первым дал сокрушительную оценку современной ему итальянской юстиции, особенно тех судей, которые накладывали произвольные и чрезмерные наказания. Цель наказания, по мысли гуманиста, должна состоять в сдерживании, предупреждении преступного поведения, а не мести. Он полагал в духе времени, что люди оценивают свои поступки рационально, осознавая боль и похвалу. Согласно Беккариа, сама боязнь наказания заставляет людей вести законопослушный образ жизни. При этом он требовал, чтобы мера наказания в большей степени исходила из того вреда, которое преступное действие причиняет обществу, а не потерпевшему. Беккариа различал три типа преступлений: против безопасности государства, против граждан и их собственности, против общества. Согласно его взглядам, наказание должно соответствовать типу преступления. Так, воровство должно наказываться штрафом, и только за тяжкие преступления против государства предполагается применение смертной казни. Впрочем, Беккариа был настроен против смертной казни в большинстве подобных обстоятельств.

Под влиянием гуманистических идей Просвещения Ч.Беккария сформулировал ряд и ныне актуальных принципов превенции преступности и либерализации наказания:

*«Лучше предупреждать преступления, чем наказывать».*¹

*«Хотите предупредить преступление? Сделайте так, чтобы законы были ясными, простыми, чтобы вся сила нации была сосредоточена на их защите».*²

*«Должна быть соразмерность между преступлениями и наказаниями».*³

*«Единственным и истинным мерилom преступлений является вред, который они причиняют нации».*⁴

*«Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека ... цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удержать других от совершения того же».*⁵

*«Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает людям пример жестокости...».*⁶

*«Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность».*⁷

Идейное влияние классика на современных ему ученых, европейское сообщество и практику правоприменения было огромным. Очень высоко оценили правовые принципы Ч.Беккариа прусский король Фридрих Второй, российская императрица Екатерина Вторая. В Уголовном кодексе Франции 1871 года были практически внедрены многие идеи великого правоведа–гуманиста.

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.,1939. С.393.

² Там же. С.395.

³ Там же. С.216.

⁴ Там же. С.223.

⁵ Там же. С.311.

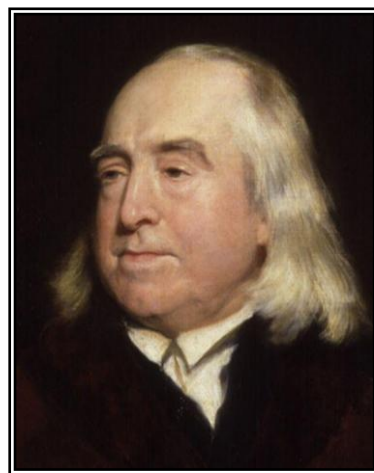
⁶ Там же. С.320.

⁷ Там же. С.309.

Однако французский кодекс все еще игнорировал различия между правонарушителями и ситуациями преступлений. Пересмотренный в скором времени уголовный закон этой страны позволял судьям рассматривать обстоятельства преступления, но все еще не учитывал иррациональные аспекты намерений и мотивов поведения преступников.

Таким образом, Ч.Беккариа сформировал классический подход, в рамках которого преступники рационально управляют своим поведением и могут быть удержаны от преступления путем осознания неизбежности угрозы наказания.

Важный вклад в развитие социально–правовых идей Ч.Беккариа и классической школы внес талантливый английский философ и правовед **Иеремия Бентам (1748-1832)**. Бентам, как и Бекария, ориентировался на практическую пользу превенции преступлений. Сторонник утилитаризма и гедонистического направления в анализе преступного поведения, он полагал, что «предотвратить случай вреда», превысить удовольствие от преступной деятельности может рационально осознаваемая преступником боль наказания.

Анализируя несовершенство уголовного законодательства, он обосновал в работе «Введение в принципы нравов и законодательства» (1789) ряд прогрессивных принципов назначения наказания преступникам:

-
- ❑ *«должно, чтобы зло наказания превосходило выгоду преступления»;*
 - ❑ *«чем менее неминуемость наказания, тем более должна быть строгость его»;*
 - ❑ *«чем важнее преступление, тем более можно решиться на наказание жестокое для вящей надежды предупредить преступление»;*
-

□ «одинаковые наказания за одинаковые преступления не должны быть налагаемыми на всех преступников без изъятия. Надлежит принимать в уважение обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность».¹

Бентам выдвинул идею создания централизованной полиции, сосредоточенной на предупреждении преступности и контроле. Эта его рекомендация нашла отражение в английском законе о столичной полиции 1829 года. Другой оригинальный вклад Бентама вложен в пенитенциарную криминологию. Он предложил проект тюрьмы по типу Паноптикума, камеры которой располагаются по окружности, что повышает эффективность контроля стражи за заключенными.

В рамках классической школы утвердилось положение о том, что человек сознательно контролирует свою судьбу, а преступление есть результат его собственного свободного выбора. И если человек выбирает зло, то должен нести за это уголовную ответственность. Поскольку преступник взвешивает все «за» и «против», то выбор преступного поведения имеет исключительно рациональный характер. Отсюда, усиливая наказание правовыми средствами, общество должно сделать преступление менее привлекательным и более болезненным для индивида, что и будет сдерживать его от искушения идти по пути злодеяний.

Теоретическое наследие в понимании преступности и контроля над ней, оставленное классической школой, актуально и развивается в настоящее время. Его можно структурировать в следующих пяти принципах.

Принцип рациональности: поведение людей рационально – результат сознательного выбора.

Принцип гедонизма: максимизация удовольствия (награды) и

¹ Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении (сочинения английского консультанта). СПб., 1806. С.546-551.

минимизация боли (наказания) – главные инструменты в превенции преступлений.

Принцип наказания: кара за преступление – средство устрашения и сдерживания.

Принцип прав человека: в обществе должны уважаться права граждан.

Процессуальный принцип: обвиняемый должен считаться невиновным и не подвергаться наказанию, пока его вина не будет установлена в судебном процессе.

Таким образом, лучшие представители классической школы, анализируя преступность, законодательство, пенитенциарную систему и жесточайшую практику наказания своего времени, искренне считали, что при выборе личностью моделей противоправного поведения рациональность является основополагающим мотивом, а превенция и контроль – лучше жестокости наказаний.

Принципиальные положения классиков относительно понимания преступности и контроля над ней в различных вариациях нашли отражение и составляют основу уголовного законодательства многих стран мира.

Идеи классической школы в криминологии получили дальнейшее развитие в рамках неоклассицизма в США и других англоязычных странах в 1960, 1970 годы в рамках направлений социального контроля по моделям «закон и порядок», «защита индивидуальных прав». В их основе лежит неоклассическая концепция сдерживания преступности угрозой и примером уголовного наказания.

Критика. Вместе с тем нельзя не видеть, что представители классической школы заметно ограничивали сферу отклоняющегося поведения, обращаясь в основном к исследованию юридических

аспектов феномена преступности. Неслучайно известный российский правовед, исследователь классической школы профессор С.В.Познышев писал, что «сторонники классического направления полагают, что наука уголовного права должна изучать преступление и наказание только как юридические явления, должна быть строго юридической наукой».¹ В силу определенной ограниченности классическая школа фактически не исследует личность преступника, биологические, социально–психологические и иные существенные вопросы отклоняющегося поведения.

Слишком упрощая, рационализируя мотивы преступления и ошибаясь относительно иных причин преступного поведения, представители классической школы привнесли в социально–правовую теорию и юридическую практику великие идеи неотвратимости наказания и, что особенно важно, его гуманизации и превенции преступлений.

Наибольшая критика досталась классикам за умозрительность и метафизичность методологии их исследований, поскольку основным методом познания, которым они пользовались, было, по образному выражению американского социолога Э.Сатерленда, «кресло, на котором они сидели во время написания своих книг».² Отсюда методологическая ограниченность, умозрительность, оторванность от опыта, теоретических идей и построений, выводов о природе девиации, предельно схематичное представление о личности преступника и обстоятельствах преступления.

Представители классической школы не смогли дать удовлетворительного объяснения феномена преступного поведения с позиций метафизического, абстрактного и, по сути, однофакторного

¹Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М.,1912. С.10.

²Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.:Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С.20.

подхода, что способствовало дальнейшему поиску новых идей и созданию новых теорий.

§1.4. От позитивизма к поликонцептуальности, полипарадигмальности и методологическому плюрализму

Ограниченность спекулятивно–метафизического подхода, редукция природы преступного поведения к рационалистической модели завели девиантологическую мысль в определенный методологический тупик. Его преодолеть в середине XIX века позволила философия и методология позитивизма.

Как известно, возникновение позитивизма теснейшим образом связано с успехами естественных наук: биологии, химии, физики. В 30-40 гг. XIX века французский философ и социолог Огюст Конт(1798-1857) выстроил систему «положительного» философского знания, которое по аналогии с естественными науками должно быть бесспорным и точным, опирающимся на факты. Он выдвинул привлекательную формулу: «знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы обладать силой». Изучению поддается мир объективных явлений с целью практического использования знания. Эмпирическое знание, соединенное с практикой реформ, представлялось сторонникам новой философии всемогущим.

Позитивисты предприняли попытку осмысления пути постижения истины на основе эмпирических методов (эксперимент, наблюдение, сравнение и др.) и повели борьбу с умозрительными системами и доказательствами получения знания. Принципы эмпиризма (наглядность, объективность, доказательность, проверяемость, причинность, ценностная нейтральность, практическая польза и др.) стали руководством к действию при изучении объективных социальных явлений, в том числе отклоняющегося поведения.

В теориях девиантного поведения, начиная со второй половины XIX века, широко используется *биологический* и *социологический позитивизм*.

Влияние позитивистской методологии и практики эмпиризма привело к развитию раннего *биологического позитивизма* (френология Ф.Гэлла, теория атавизма Ч.Ломброзо, антропологические работы Ч.Горинга, Э.Хутена, У.Шелдона и др.) при создании первых *индивидоцентрических* моделей преступного поведения. Позитивистская методология позволила развить и психологическое направление в девиантологии (теоретические работы Х.Клекли, З.Фрейда, К.Лоренса, Э.Фромма, Д.Долларда, А.Бандуры и др.).

В последующем в рамках антропоцентризма и индивидоцентризма исследователи, используя позитивистскую методологию, сосредоточились на изучении патологий (антропологическая конституция, генетические аномалии) в природе и психологии (психотравмы, нейропсихологические дисфункции, комплексы неполноценности, проблемы психосексуального развития, фрустрация, агрессия, эффекты социального научения) человека в качестве основных источников девиации.

Ранние социоцентрические теории девиантности в середине XIX – начале XX века на основе социологического позитивизма были созданы бельгийским математиком и социологом А.Кетле, энциклопедистом К.Марксом, криминологом В.Бонгером, функционалистом Э.Дюркгеймом. Так, Кетле, используя методы картографии и статистики, обосновывал тезис об объективной социальной природе преступности. В этот же период К.Маркс,

реализуя конфликтологический подход, показал, что преступность является объективным, социальным, исторически преходящим явлением. Социолог–позитивист Э.Дюркгейм интерпретировал преступность как объективное социальное явление, не являющееся патологией в социальном организме.

В XX веке социологи-позитивисты, сторонники социоцентрической ориентации, в числе главных причин отклонений рассматривали социально-структурные факторы (социально-экономическое неравенство, аномию, субкультуру, конфликты).

В объяснении девиантности позитивистская научная мысль развивалась от *однофакторных* к *многофакторным* казуальным моделям. Однофакторный подход позволял выделить причины и условия девиантности в рамках одного класса, например, в случае абсолютизации антропо–биологических данных человека или его социально–классовой принадлежности. Многофакторный подход сложился позднее как реакция на ограниченность однофакторных моделей. В его рамках отклонения в поведении не могут быть обусловлены одним, хотя и очень важным комплексом причин, а зависят от ряда разнородных и потому теоретически несвязных факторов.

По итогам изучения с позитивистских позиций социальной дезорганизации, городской экологии широкую известность получила Чикагская социологическая школа (Ф.Знанецкий, Р.Парк, Э.Берджес, К.Шоу и др.)

Во второй половине XX века в социологии активно разрабатываются и используются новые, разнообразные, в том числе непозитивистские подходы и методы в исследованиях девиаций. Их выбор был часто продиктован социальной позицией и методологической культурой исследователя или целой научной

школы, отсюда актуальным стало использование понятия «парадигма». Под *научной парадигмой*, по мысли американского историка и методолога науки Томаса Куна, понимаются «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения».¹ Кун выдвинул тезис о том, что научные дисциплины развиваются посредством смены парадигм. Джордж Ритцер структурировал социологические парадигмы на фактуалистскую (структурный функционализм, теория конфликта), дефиниционистскую (теория социального действия, феноменология, символический интеракционизм и этнометодология), социально-бихевиористскую (теория обмена, социология бихейвиоризма).² Иногда их определяют как парадигмы «социальных фактов» (Э.Дюркгейм), «социальных дефиниций» (М.Вебер), «социального поведения» (Б.Скиннер), связывая с именами выдающихся социологов и психологов.

При анализе и типологизации социологических теорий девиантного поведения широким кругом исследователей используется типология парадигм, которую обосновал американский социолог Дж.Кинлох. Он выделил: *органико-структурно-функционалистскую* (О.Конт, Э.Дюркгейм, Т.Парсонс, Р.Мертон), *конфликтно-радикальную* (К.Маркс, Ф.Энгельс, Р.Куинни) *социально-бихевиористско-психологическую парадигмы* (М.Вебер, Г.Блумер, П.Блау, И.Гофман, Г.Гарфинкель, А.Бандура).³

Теоретики-позитивисты в рамках органико-структурно-функционалистской парадигмы создали ряд эффективных социологических моделей девиантности (теория аномии и

¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

² Ritzer G. (1988) Modern Sociological Theory. N.Y., 1988.

³ Kinloch G.C. Sociological theory: Its Development at major paradigms. N.Y., 1977.

напряжения Р.Мертон, теория дифференциальной ассоциации Э.Сатерленда, теории субкультуры, теории социального контроля и др.).

Социально–бихевиористско–психологическая парадигма объединила процессуальные теории девиантности: теории стигматизации (Ф.Танненбаум, Э.Лемерт, Г.Беккер, Э.Шур, Ф.Зак, Дж.Брайтуайт и др.), драматургический подход И.Гофмана, феноменологию и конструктивизм (А.Шюц, П.Бергер, Т.Лукман, Д.Милованович, С.Генри и др.).

Феноменологическая социология Э.Гуссерля, А.Шюца, П.Бергера, Т.Лукмана, критикуя объективизм и позитивистские подходы, позволила открыть новые «объяснительные возможности» социального знания в понимании природы социальных норм, права и девиантности как социальных конструкций. Как известно, феноменологи считают предметом своего исследования мир повседневности, сферу обыденных представлений о добре и зле, норме и патологии, жизни и смерти и т. п. В интерсубъективном мире люди выступают, с одной стороны, в качестве конструкторов социальной реальности, с другой стороны, их сдерживают созданные их предшественниками социальные и культурные структуры.¹

С позиций феноменологии и понимающей социологии в мире социальной реальности «нет ничего постоянного, где все, что считалось объективными «вещами», не зависящими от каждого из членов общества, оказывается продуктами его сознания и, более того, эти «вещи» могут меняться в зависимости от состояния сознания субъектов действия».²

¹ Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998. P.212-217.

² Ковалев Е.М., Штенберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С.55.

Феноменологический взгляд позволил понять, что тот или иной тип правопонимания и определение преступного есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ права и правонарушения, который представляет собой синтез теоретических конструктов и социальных практик. Благодаря феноменологической редукции право (как система норм) и преступление конструируются в мире значений, которые тематизируются активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта.

Социологи феноменологической ориентации поставили под сомнение основной постулат позитивизма о том, что социальные структуры, все общественные явления, в том числе и преступления, представляют собой объективную реальность, не зависящую от идей, мнений, стереотипов, сознания и поведения включенных в них индивидов.

В рамках феноменологии при исследовании отклонений значение приобретает скорее действие, его интерпретация, чем сам отклоняющийся индивид. Как тонко подметил шведский социолог Ларс-Эрик Берг, «отклонение – это не индивидуальное свойство личности, но релятивное свойство. Черное выглядит черным только на белом фоне».¹ Для понимания отклоняющегося поведения и его изучения весьма важно то, что оно рассматривается феноменологами как социальный процесс (коллективный или индивидуальный), в ходе которого индивид и становится девиантом.

Полипарадигмальность, поликонцептуальность, критика феноменологами позитивизма и, наоборот, позитивистов феноменологии привели к развитию методологического плюрализма. В качестве альтернативы позитивистской количественной методологии в девиантологии стали развиваться и шире

¹ Пер Монсон. Современная западная социология. Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992. С.181.

использоваться качественные методы (кейс-стади, кейс-стори, нарративный анализ, глубинные неформализованные интервью), возникли предпосылки для методологической триангуляции в изучении различных форм девиантности.

Во многих современных криминологических и социологических работах по исследованию преступности и других отклонений в качестве основы теории выступают либо позитивистские этиологические, либо феноменологические, конструктивистские подходы. В рамках этиологического объяснения девиация рассматривается как «готовый» объективный факт, а внимание исследователей направлено на поиск его корней в причинной связи явлений. Эта традиция во многом характерна для отечественной криминологической школы.

Феноменологический подход состоит в том, что внимание ученого обращено к изучению процессов, ведущих к пониманию и конструированию того или иного действия как девиантного и той или иной личности как девианта. Для феноменологов важно исследовать проблему сконструированности, конвенциональности, релятивности норм и девиаций. Конструкционистское направление теоретического осмысления и анализа девиантности только начинает развиваться в отечественной науке.¹

В условиях роста гетерогенности, социального неравенства и конфликтов в западных обществах второй половины XX века получил дальнейшее развитие конфликтологический подход в рамках радикально-критической криминологии и неомарксизма.

Конфlikто-радикальная парадигма, неопозитивизм привели к созданию теорий группового конфликта, криминализации, политэкономии, закона и преступности, возрастной зависимости и других (Г.Волд, О.Терк, У.Чемблисс, Р.Куинни, Д.Гринберг и др.).

¹ См.: Конструирование девиантности: монография./составитель Я.И.Гилинский. СПб.: ДЕАН,2011; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанск.ун-та,2004.

Эти концепции стали теоретическим ответом на рост криминализации ультрасовременного капитализма.

Важным рубежом на этом пути стали работы британских авторов Яна Тэйлора, Пола Уолтона и Джока Янга «Новая криминология» (1973) и «Критическая криминология» (1975). В них выдвигаются радикально-критические подходы в теории преступности, дается острая оценка капиталистической системе с неомарксистских и неопозитивистских позиций. Правонарушитель рассматривается как жертва социальной системы и правосудия, а преступность выступает, в конечном счете, следствием классового неравенства.

Методологические дискуссии, критика позитивизма и неопозитивизма усилились в связи с кризисом детерминизма и социальной практикой на закате эпохи модерна.

Постмодернизм, возникший как реакция, рефлексия на кризис, задал особый стиль социологического воображения и теоретизирования, иную методологию познания социальных проблем, в том числе девиантности. Постмодернизм проблематизировал представления о девиантности, преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе: «сама социальная реальность девиантна».¹ Постмодернисты в девиантологии и криминологии поставили вопрос о пересмотре, реконструкции позитивистских моделей девиантности.

Применение модернистских теоретических моделей и традиционной количественной методологии для исследования релятивных и конвенциональных проявлений девиантного поведения стало непродуктивно в условиях быстрых социальных изменений и флуктуаций. Отсюда постмодернизм выдвинул новые подходы и методы к анализу девиантности: дискурсивный анализ, теорию

¹ Интервью с профессором Н.Луманом // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С.246.

нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие приемы.¹

Постмодернисты в целом и в девиантологии в частности (Б.Дикристина, Д.Милованович и др.) активно поддерживали плюрализм различных концепций, замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. Возникла группа новых теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности с такими интригующими названиями, как: конститутивная, феминистская, критическая, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии.

Преступность и контроль над ней рассматриваются девиантологами-постмодернистами как рекурсивная продукция, созданная в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество. Преступность – интегральная часть общества, вызванная социальной структурой и идеологией, разделяющими отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии.²

В результате, наряду с позитивистской девиантологией в начале XXI века активно развиваются феноменологические, постмодернистские концепции, наращивается методологическое разнообразие в исследовательском арсенале ученых. Одно из актуальных направлений в современной девиантологии и криминологии сформировалось в рамках интегративной перспективы анализа девиантности. Его развитие привело к появлению модернистских и постмодернистских интегративных теорий

¹ Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.:Garland Publishing,Inc.,1997.

² Ibidem.

девиантного поведения (Р.Айкерс, Ф.Пирсон, Н.Уэйнер, Д.Эллиот, М.Крон, Т.Торнберри, Г.Каплан, Ч.Титл, Г.Барак, С.Генри и др.).

Интегративные теории – многообещающее направление развития науки о девиантности и преступности, поскольку они ориентированы на полипарадигмальность, поликонцептуальность, теоретический синтез и методологический плюрализм.